

Чэнь Линлин лениво облокотилась на балконе, подперев голову рукой, и уже собиралась что-то сказать группе сплетниц на улице, как вдруг из соседнего дома выбежал малыш Яньян.

Чжэн Хайян смущенно потянул за край одежды Чэнь Линлин и, подняв голову с блестящими глазами:

— Тетя, ты можешь пойти со мной?

— Яньян? — Чэнь Линлин на мгновение забыла о сплетницах и, наклонившись, спросила. — Что случилось?

— Тетя, пойдём, пойдём...

Чжэн Хайян потянул Чэнь Линлин за собой, и она, шлепая тапочками, направилась к двери их дома.

Женщины внизу украдкой поглядывали на второй этаж, одни чистили овощи, другие вязали. Увидев, что Чэнь Линлин вошла в дом, одна из них поднялась и ушла, унося с собой стульчик, и вскоре вся компания разошлась.

Чэнь Линлин, войдя в дом, сразу увидела Чэн Баоли, сидящую на диване. Плечи её подрагивали, явно она плакала.

Чэнь Линлин на мгновение замерла, затем взглянула на Чжэн Хайяна. Мальчик с мольбой смотрел на неё, и женщина всё поняла. Она погладила ребенка по голове и села рядом с Чэн Баоли:

— Сестра, что случилось? Почему ты плачешь?

Если бы Чэн Баоли была сильной и уверенной в себе женщиной, она бы вытерла слёзы и улыбнулась, сказав, что всё в порядке, и взяла бы всё на себя. Но она была не такой. Чжэн Хайян знал, что его мама не такая, и поэтому решил позвать Чэнь Линлин, чтобы та утешила её. Он был слишком мал, и даже если бы он, обладая телом трёхлетнего ребенка, попытался сказать что-то разумное, его мама вряд ли почувствовала бы облегчение. К тому же женщина понимает женщину лучше, и он был уверен, что Чэнь Линлин, умная женщина, знает, что сказать. Даже если утешение не сработает, просто присутствие взрослого в этот момент уже давало ему чувство спокойствия.

Чэн Баоли изначально не собиралась рассказывать Чэнь Линлин о своих семейных делах, но та оказалась очень умной женщиной. Она успокоила Чэн Баоли, рассказала пару шуток и в конце концов развеселила её.

Когда Чэн Баоли засмеялась, Чэнь Линлин осторожно подвела разговор к теме, и постепенно Чэн Баоли, женщина без особых уловок, рассказала о деле с разделом дома в её родной семье. Рассказ был бессвязным и лишённым логики, но Чэнь Линлин терпеливо слушала, кивая.

Чжэн Хайян всё это время спокойно сидел рядом, мысленно разбираясь в ситуации. После бессвязного рассказа матери он понял, что всё было именно так, как он и предполагал, только с добавлением лишних деталей.

Чэнь Линлин, как сторонний наблюдатель, сразу поняла, что Чэн Баоли сегодня использовали в качестве живой мишени её старшая сестра. Это дело не имело к Чэн Баоли никакого отношения. Её золовке просто нужен был кто-то на её стороне. Если бы Чэн Баоли сегодня

ничего не сказала, ничего бы и не произошло. Кроме того, из деталей Чэнь Линлин поняла, что Чэн Баоли в родной семье не имела веса, а её сестра, Чэн Баоя, была сильной женщиной.

Чэнь Линлин не подвела Чжэн Хайяна. Она знала, что как посторонний человек не имеет права что-то советовать, и потому спросила:

— Сестра, как ты думаешь, стоит ли тебе вмешиваться в это дело?

Чэн Баоли задумалась, и в голове тут же возник ответ — не стоит. Но затем она подумала, что это дом её сестры, и если та не будет бороться, то в уезде Ланьянь у неё не будет места, где можно жить. При этой мысли она заколебалась и сказала:

— Думаю... не стоит, но...

Чэнь Линлин не дала ей закончить фразу и тут же сказала:

— Если ты знаешь, что не стоит вмешиваться, то зачем это делать?

Чэн Баоли подумала и сказала:

— Но...

Чэнь Линлин взяла её за руку и, глядя в глаза, успокоила:

— Никаких «но» и «если». Ты знаешь, что не стоит вмешиваться, но всё же колеблешься, пытаешься убедить себя, что стоит. Ты задумывалась, почему?

Почему? Чэн Баоли сразу нашла ответ в голове — почему? Конечно, потому что одной из сторон была её сестра Чэн Баоя. Именно из-за сестры она и высказалась.

Чэнь Линлин сказала:

— Сестра, я не знаю много, но мой муж часто говорит мне, что люди, особенно женщины, должны сначала думать о себе. Ты должна сначала сделать свою жизнь лучше, а потом уже заниматься другими делами. Я, как посторонний человек, не могу говорить о твоих семейных делах, но думаю, что раз раздел дома тебя не касается, то тебе лучше проводить время с Яньяном, учить его читать и писать. Если ты потратишь время на другие дела, у тебя останется меньше времени на свою семью, ребенка и себя.

Чэнь Линлин не сказала много, но её слова успокоили Чэн Баоли, и она ушла, ведь дома у неё оставался маленький ребенок, и она не могла надолго отлучаться.

Однако слова Чэнь Линлин подействовали на Чэн Баоли как свежий ветер, принеся с собой ощущение чего-то «необычного». Никто никогда не говорил ей таких вещей, как «женщина должна сначала думать о себе» или «если потратишь время на другие дела, у тебя останется меньше времени на себя»... Это было как свежая кровь, вливающаяся в её сознание, и её сердце, высохшее под гнётом жизни и повседневных забот, вдруг получило долгожданный дождь, и она почувствовала себя немного иной.

Чэн Баоли посадила сына к себе на колени, и Чжэн Хайян, воспользовавшись моментом, сказал:

— Мама, давай в последнее время не будем ходить к бабушке, ты научи меня писать.

Чэн Баоли очнулась от своих мыслей, и в голове снова всплыло слово «сестра», но на этот раз что-то внутри неё тут же подавило эту мысль, и она без колебаний сказала:

— Хорошо, Яньян, я научу тебя писать.

Чжэн Хайян почувствовал, что в этот день его жизненный путь немного изменился.

Раньше, если бы его мама вернулась из родного дома после такого унижения, она бы устроила истерику, а потом не захотела бы готовить и ничего не делала. А когда вечером его отец, Чжэн Пин, вернулся бы с работы и увидел, что плита холодная, он бы спросил, и они бы поссорились, а в худшем случае даже что-то разбили.

В глубине памяти Чжэн Хайяна родители в его детстве ссорились так часто, как будто это было обычным делом. Его мама уходила из дома к родственникам, а отец возвращал её обратно, и так повторялось бесчисленное количество раз. Плохие отношения между родителями в какой-то степени сильно повлияли на Чжэн Хайяна, и когда он вырос, то, видя, как девушка, которую он любил, начинает с ним холодно обращаться, он чувствовал себя очень неуютно и подавленно.

А сегодня, несмотря на то что его мама в родном доме получила пощёчину, благодаря своевременному утешению Чэнь Линлин она не только не продолжила грустить, но и как будто открыла для себя новую жизнь — она подумала, зачем ей тратить время на чужой дом, когда она может приготовить что-то вкусное для своего Яньяна. Поэтому вечером она приготовила два больших блюда и даже сварила суп, а часть еды отнесла соседке Чэнь Линлин.

Чэнь Линлин, увидев еду от соседей, была в восторге. Она как раз беспокоилась, что будет есть на ужин, и благодаря этому обмену две женщины одного возраста быстро сблизилась.

Чэнь Линлин даже дала Чэн Баоли подержать своего малыша. Хань И было всего несколько месяцев, и он лежал в пелёнках, как маленький котёнок. Чэн Баоли взяла его на руки, и Хань И не плакал и не капризничал. Чжэн Хайян, поднявшись на цыпочки, посмотрел на малыша, и в их первой встрече он протянул свою мягкую ручонку и потрогал пухленькую щёчку Хань И, сказав:

— Личико как булочка.

Чэн Баоли, покачивая малыша, сказала своему сыну:

— Ты говоришь, что у малыша лицо как булочка, а вдруг он на тебя пописает.

Чжэн Хайян подумал: «Вот это мама, настоящая мама».

Вечером Чжэн Пин вернулся с работы. Он проработал десять часов и был очень уставшим. На нём была рабочая одежда, и, боясь, что его жена и сын будут долго ждать и останутся голодными, он поспешил домой. Уже на улице он увидел, что на кухне горит свет, а на балконе стоит большой котёл на плите.